МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья
УДК 327; 93/94
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-5(5)-110-127

Исторические науки

Отношение к России и русским в Чехии: размышления о наследии прошлого и роли настоящего

Кирилл Алексеевич Попов

Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация
pcyril90@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4560-4441

Аннотация. В центре внимания данной статьи находится вновь ставший острым в последнее время вопрос о чешско-российских отношениях. Обычно его рассматривают с позиций политики, однако это не единственный аспект. Предлагаемый читателю материал представляет собой попытку взглянуть на проблему с точки зрения общественного восприятия России в Чехии, задаться вопросом, как оно развивалось, и можно ли говорить о нем как об априори недружественном. Для этого приводится экскурс в историю контактов двух стран через призму взаимодействия широких слоев населения, оценивается динамика восприятия чехами русских. Современный этап описывается на основании систематизации личных наблюдений, сделанных в период работы на территории Чешской Республики. Дана общая характеристика российской общины Чехии, оценено ее влияние как фактора воздействия на это восприятие. Описаны основные группы образов России, бытующих среди чешских обывателей, приведены наиболее заметные характеристики носителей каждой из групп. Наконец, дана оценка перспективы изменений отношения к России в свете событий 2022 г. Сделаны выводы о том, что обвинять именно чешское общество в русофобии было бы крайним упрощением, что динамика восприятия России выглядела в долгосрочной перспективе достаточно обнадеживающей, но события последних месяцев наносят ему значительный ущерб, в том числе косвенно.

Ключевые слова: Россия, Чехия, межнациональные связи, культурные связи, стереотипы, русофобия, русофилия
Для цитирования: Попов К.А. Отношение к России и русским в Чехии: размышления о наследии прошлого и роли настоящего. Россия: общество, политика, история. 2022. №5(5). С. 110-127.

© Попов К.А.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

INTERNATONAL RELATIONS

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-5(5)-110-127

Historical sciences

Attitude towards Russia and Russians in the Czech Republic: Reflections on the Legacy of the Past and the Role of the Present

Kirill A. Popov

The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
pcyril90@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4560-4441

Abstract. The article is focused on the issue of Czech-Russian relations, which has become trending recently. Usually it is studied from the standpoint of politics, but this is not the only aspect of the topic. The material offered to the reader represents the issue from the Czech public point of view, as an evolving perception of Russia on the territory of the modern Czech republic. The issue is raised, whether it is possible to characterize this perception as a priori unfriendly. The article gives an excursion into the history of contacts between the two countries as of the interaction between broad sections of society. The changes in the perception of Russians by the Czechs are studied assessed. The current moment is described on the basis of the systematized personal observations made during the period of work on the territory of the Czech Republic. The article gives the general characteristics of the Russian community in the Czech Republic and studies its influence on the perception of the Russians by the Czechs. The main forms of this perception are described, along with the most noticeable characteristics of its carriers. Finally, the article measures prospective changes in attitudes towards Russia in the light of the events of 2022. It is concluded that it would be an extreme simplification to accuse the Czech society of Russophobia. The dynamics of perception of Russia looked rather encouraging in the long term, but the events of recent months cause him significant damage, both direct and indirect.

Keywords: Russia, Czechia, multicultural relations, cultural relations, stereotypes, Russophobia, Russophilia
For citation: Popov, K.A. Attitude towards Russia and Russians in the Czech Republic: Reflections on the Legacy of the Past and the Role of the Present. Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 5(5). pp. 110-127.

Введение

«Недружественная страна», в которой бывали все

Сравнительно недавно созданный в России законодательный термин «недружественная страна» был применён к Чехии одной из первых, одновременно с США. Однако к США у российского общества противоречивое отношение уже давно. Чехия же была местом отдыха партийных функционеров (но не только) в период СССР, важным перевалочным пунктом для эмигрантов в период Перестройки и сразу после, одной из излюбленных локаций для путешествий в современной России, центром притяжения российских студентов в качестве места получения зарубежного высшего образования. Странно было бы ожидать такого в случае, если бы россиян действительно встречало в Чехии ярко выраженное недружелюбие. В настоящей статье рассматривается история и современное состояние восприятия России и россиян/русских[1] на территории сегодняшней Чехии с целью ответить на вопрос, имеются ли у названного термина какие-то объективные корни в прошлом и настоящем на уровне коллективного восприятия. Намеренно за ее рамками оставлена сугубо политическая сторона вопроса, поскольку она уже занимала значительное место в более ранних работах других исследователей (15, 16).

Материалы и методы исследования

Статья состоит из четырех частей. В первой дается краткий исторический обзор развития контактов России и Чехии как фундамента, на который опираются коллективные представления. При этом основное внимание уделяется контактам широких слоев общества, а не исключительно политическим и элитарным, а также культуре как средству формирования представлений о других людях без непосредственного контакта. Во второй части предпринята попытка анализа российской общины, сложившейся в Чехии за последние три десятилетия, как нового фактора в формировании представлений друг о друге. При этом я отталкиваюсь прежде всего от личного опыта взаимодействия с данной группой людей в период работы в консульском представительстве Российской Федерации на территории Чехии на протяжении более чем шести лет. В третьей части дается обзор основных форм, которые приняло восприятие чехами россиян под влиянием как исторического фона, так и современных факторов. Обобщению и интерпретации

1 В чешском языке «русский» и «российский» - одно и то же слово. За счет этой особенности, а также исторических препосылок, в том числе и саморепрезентации самой России, в чешском общественном сознании «русские» и «россияне» являются синонимичными понятиями. Также почти не делается различия между СССР и современной Российской Федерацией, политику этих двух государственных образований рассматривают как состоящую в отношениях прямой преемственности.

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

подверглись те идеи и образы, с которыми пришлось столкнуться за время работы в Чехии как при личном общении, так и в социальных сетях, контактируя с людьми в диапазоне от рабочих профессий до творческой интеллигенции, от частных лиц до представителей региональных властей и от светских лиц до духовных представителей католической, православной и протестантской деноминаций христианства. Наконец, в четвертой части оцениваются изменения, наметившиеся в восприятии чехами россиян на протяжении последнего года в свете противостояния России, Украины и государств Запада.

Результаты исследования

1. Как Россия и Чехия узнавали друг друга.

Средневековье. О факте существования чешских княжеств дому Рюриковичей стало известно достаточно рано (некую «чехиню» упоминает Повесть временных лет как одну из жен Владимира Святославича[2]), однако в сферу интересов или влияния русских князей эти земли не попадали, особенно если речь идёт о Северо-Восточной Руси - великом княжении Владимирском и, позднее, Московском. Внешняя политика дома Даниловичей[3] была сосредоточена прежде всего на подчинении своему влиянию других русских княжений в рамках претензий на старшинство, а также на отношениях с ближайшими соседями (Золотая Орда и её части, а также Литва, Польша, позднее Швеция) (1, 2, 5). Эпизодические матримониальные связи возникали, но опосредованно. К примеру, супруга короля Пржемысла Отакара II и мать короля Вацлава II, Кунигунда Венгерская, была дочерью Ростислава Михайловича Галицкого (18, с. 18-30), утратившего, однако, свое княжение на Руси и занявшего место при дворе короля Венгрии Белы IV. Другим ярким примером может служить гуситский полководец Сигизмунд Корибут, внук великого князя Олега Рязанского по женской линии, однако сам принадлежавший уже к династии Гедиминовичей и выросший на землях Юго-Западной Руси и Польского королевства (Новгород-Северский, затем Краков) (19). Когда же Москва утвердилась в качестве доминирующего русского центра и горизонты её внешней политики достигли Центральной Европы, то взаимодействие с ней свелось прежде всего к контактам со Священной Римской империей, в которую Чешские земли вошли ещё в 1041 г. Поскольку, начиная с середины XV в., на престоле империи всё чаще оказывались представители династии Габсбургов, на несколько столетий отношения Российского государства с Чешским оказались неразрывно связаны со взаимоотношениями московских и, позднее российских государей с этим правящим домом. Посольства

2 Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Стб. 80.

3 Ветвь династии Рюриковичей, потомки Даниила Александровича (1261-1303 гг.), первого удельного князя Москвы.

из Москвы, правда, останавливались в рамках этих контактов и в Праге (14), но эти эпизоды оставались единичными.

Новое время. Начало ощутимого качественного сдвига в области связей между двумя народами связано с несколькими факторами, первым из которых следует упомянуть Великую французскую революцию. Она запустила процесс формирования наций современного типа по всей Европе, не исключая Чехии (параллельно этому в начале XIX вв. и в Российской империи происходит рост интереса к «русскости» и национальному прошлому[4]). А разразившиеся в начала XIX в. Наполеоновские войны привели на территорию Чешских земель русские войска и с ними — представление о могущественной и независимой славянской державе на востоке, антиподе «германского мира», обступавшего чехов с севера, запада и юга. Обособление от последнего в рамках национального возрождения чехов к тому, чтобы уделять России больше внимания, чем когда-либо прежде. Свою роль сыграл также экономический фактор, подталкивавший чехов к эмиграции. Наиболее активно она шла в США, но ехали переселенцы и в Российскую империю, сформировав там несколько диаспор численностью в десятки тысяч человек (3, 9, 10, 11, 12). Наконец, контактной зоной стала культура — технологический и общественный прогресс привели к распространению грамотности, печатных медиа (17, 20), росту потребления культурной продукции и в том числе переводной литературы[5]. При всем при том восприятие России сразу стало отмечено сложными полутонами. Самыми яркими примерами могут служить писатель и политик Карел Гавличек Боровский, а также историк, «отец народа» Франтишек Палацкий. Оба автора с симпатией отзывались о русском народе как таковом, его самобытности и «национальном духе», однако отделяли его от русских же властей и политики. Первый, проработавший в России с января 1843 по июль 1844 г. на С.П. Шевырева в качестве воспитателя его сына и его племянника, критически отзывался в своих заметках о политическом и социальном устройстве Российской империи[6]. Второй прямо указывал на потенциал российской экспансии как одно из оправданий для

4 Показателен в этом плане замысел и создание Н.М. Карамзиным «Истории государства Российского», первое издание которой увидело свет в 1818 г. Не будучи первым в своём роде, это сочинение стало мощным общественным высказыванием. Здесь же следует упомянуть развитие русского исторического романа, полноценно сложившегося в самостоятельное направление к рубежу 1820-1830-х гг. (Подробнее: 6).

5 В качестве примера можно рассмотреть Льва Николаевича Толстого — на чешском языке издавались и его произведения, и актуальные публицистические работы: Anna Karenina. Román od hraběte L.N. Tolstého. Praha: Knihtiskárna Františka Šimáčka, 1881; Smrť Ivana Iljiče. Napsal hrabě Lev Nikolajevič Tolstoj. Praha: Knihtiskárna Františka Šimáčka (Světozor), 1887; L.N. Tolstoj: O životě. Chrudim: Nakladatelství „Rozhledů“ na Kralovských Vinohradech, 1895; Stručný výklad evangelia. Napsal hrabě Lev N. Tolstoj. Praha: František Bačkovský, 1895; O vědě a umění. Napsal hrabě Lev N. Tolstoj. Praha: František Bačkovský, 1897 и многие другие. Влияние конкретно этого автора было настолько велико, что упоминания его творчества начали проникать в чешские произведения (стихотворение Франи Шрамека (Fráňa Šrámek) „Před spaním“ из сборника „Života bído, přec tě mám rád!“ со стихами 1900-1906 гг. начинается строкой „Noc. Já a lámpa, a Tolstého román. ...“/ «Ночь. Я и лампа, Толстого роман …»).

6 Havlíček Borovský, K.Obrazy z Rus. Praha: Nákladatelství J. Otty, 1904. С.11-12, 209-231.

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

существования Габсбургской монархии и пребывания в ней Чешских земель[7]. Тем не менее, отношение к России стало существенным фактором чешской политики. В ней четко просматриваются более раннее поколение «панславистов» и более позднее «неославистов», искавших ответ на «германскую угрозу» в сотрудничестве славянских народов, между собой вообще и с Российской империей в особенности (8, 13).

Межвоенный период XX в. Октябрьская революция усилила противоречия в восприятии России на территории Чехословакии. По одну сторону оказалась влиятельная русская культура и эмигранты (среди которых заметное место занимали представители образованных кругов) (4, 7, 22), которым правительство молодой республики симпатизировало и которых поддержало т. н. «Русской акцией помощи», по другую — утвердившийся насильственным путем режим власти коммунистов, который правительство Чехословакии до 30-х гг. формально не признавало. Такой подход объединил представителей и довоенных «неославистов», и критически настроенные по отношению к России политиков, равно представленных в верхах страны: Карел Крамарж, ведущий идеолог «неославизма», стал первым премьер-министром Чехословакии; Томаш Гарриг Масарик, известный как своими познаниями о России, так и критическим отношением ко многим русским реалиям[8] — ее президентом. Очагом положительного, но сильно политизированного восприятия России (в форме Советского Союза) стала Коммунистическая партия Чехословакии, которая не только разделяла общую с СССР идеологию, но и, по мере роста влияния в партии Клемента Готтвальда, оказалась тесно связана с ним по линии Коминтерна (21, 23). С учетом того, что речь шла об организации, получавшей по итогам выборов не ниже четвертого места (при том, что проходило в парламент межвоенной Чехословакии не менее 14 партий), этот очаг следует оценить как довольно существенный. В целом в межвоенный период русская культура в широком смысле слова стала ещё ближе чехам за счет эмигрировавших российских интеллектуалов. Однако та Россия, которую они олицетворяли, серьезно отличалась от той, которая существовала в международно-политической реальности.

Послевоенный период. На уровне контактов между русским и чешским обществами произошли принципиальные изменения. Безальтернативное утверждение чехословацких коммунистов у власти в республике в 1948 г. гарантировало позитивное отношение официальных властей страны к СССР вплоть до падения режима в ходе Бархатной революции. Следом за большой политикой следовали программы сотрудничества на уровне ведомств, предприятий,

7 Hlas o připojení-se Rakauska k zemi německé. Dokončení // Národní nowiny. 18.04.1848. S. 1.

8 Masaryk, T.G. Russland und Europa. Bd. I-II. Jena: Diederichs, 1913; Masaryk T.G. O bolševictví. Praha: Havlíčkovo Všeslovanské knihkupectví, 1921; Tomáš Garrigue Masaryk, Edvard Beneš. Otevřit Rusko Evropě. Dvě stati k ruské otázce v roce 1922. Praha: H&H, 1992; Masaryk, T.G. Otevřít Rusko Evropě: ruská otázka v roce 1922. Praha: ESB, 1997.

организаций и муниципалитетов. Сложилась практика обмена студентами, специалистами, экскурсионных поездок. Хотя свободы перемещения между странами всё-таки не было, и для участия в подобных выездах человек так или иначе проходил «фильтрацию», по сравнению с довоенным периодом возможности контактов на частном уровне расширились. В связи с этим появилось и некоторое количество советских граждан, оседавших в ЧССР на постоянное жительство. С расширением области контактов совпал апогей двух важных для чешского общества второй половины XX в. исторических нарративов — национального и коммунистического. Для первого в 1945 г. произошло то, чего некоторые «панслависты» ожидали ещё в XIX в. - избавление Чехии от немецкой тирании силой русского оружия. Для второго во второй половине 40-х гг. произошло поэтапное освобождение Чехословакии от власти фашистских и вообще эксплуататорских сил, ее включение в лагерь стран самого прогрессивного общественного устройства и разрешение наболевших ещё в межвоенный период социальных вопросов. И тот, и другой нарративы обеспечивали на территории современной Чехии крайне благоприятное восприятие всего русского/советского (понятия, в тот момент практически тождественные для местного общественного сознания). Ситуацию усложнили события 1968 г. Операция «Дунай» не только остановила неподконтрольные КПЧ процессы Пражской весны, но и нанесла тяжёлый удар по отношению к восточному соседу. Несмотря на то, что в операции участвовали почти все страны Варшавского договора, в Чехословакии её восприняли прежде всего как советское вторжение. Наметился раскол между официальной риторикой и личным опытом множества людей, участвовавших в протестах против ввода войск или сочувствовавших протестующим. Этому расколу отвечала и культура, в которой наметился водораздел между официозной и андеграундной. Характерно при этом, что обе они были открыты для восприятия русской культуры, в условиях социалистического режима переживавшей такое же разделение. Чехословацкий андеграунд, несмотря на травму 1968 г., не закрылся для всего русского как такового, но воспринимал те культурные импульсы, которые были близки ему самому по смыслу и ценностям. Важными контактными зонами для нее были музыка (прежде всего бардовская) и литература (те произведения, что не могли преодолеть цензуру в СССР, зачастую выходили в переводах на чешский язык). В результате сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, переориентация с Востока на Запад, произошедшая после Бархатной революции 1989 г., уже имела под собой базис, заложенный двумя десятилетиями внутреннего общественного противоречия, не находившего выхода. С другой стороны, ни одна из сторон этого противоречия не закрывалась от России как культурного пространства. В результате, когда по аналогии с тем, как некогда симпатии чешского общества качнулись к России на

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

волне обособления от немцев, поднялась обратная волна — обособления уже от России, это коснулось прежде всего политической сферы. Культурная же устояла и сохранила потенциал для дальнейшего развития в качестве контактной зоны.

2. Россияне в современной Чехии. Штрихи к портрету.

Ключевым отличием этапа, наступившего после распадов Варшавского блока и СССР, стала свобода перемещений. Благодаря ей Чехия стала популярным туристическим направлением для россиян, также стало увеличиваться их число на постоянном проживании в Чешской Республике. Чехи, соответственно, получили возможность неограниченно посещать Россию. Вместе со свободой перемещений свою роль сыграла также свобода доступа к информации, расширившая доступ к сведениям друг о друге, и развитие способов получения этой информации через выход старых медиа в сеть Интернет и появление в ней новых, под которыми в данном случае подразумеваются социальные сети и мессенджеры. Но анализ их влияния на представления чехов о русских требует отдельного рассмотрения.

Туристический поток из России в основном сосредоточивался на Праге, такой туризм можно очень упрощенно охарактеризовать как культурный. Особняком от него стоит курортный туризм, центром которого в Чехии для россиян являлись Карловы Вары, в некоторой степени также Марианские Лазни и Теплице. Этот поток заметно уступал в размере культурному, специфическим для него было и то, что к нему примешивались русскоязычные граждане бывшего СССР, ныне проживающие в новых независимых государствах или уехавшие в другие страны, такие как Германия и Израиль. Для местных жителей, исходя из языка общения, такие туристы тоже воспринимались как русские/россияне.

Постоянно проживающие в Чехии россияне разнообразны по своим характеристикам, здесь отмечу те группы и черты, которые более всего бросились в глаза за время консульской работы. Во-первых, предприниматели. Эта группа людей, в основном от 40 лет и старше, воспользовавшихся простотой чешских правил регистрации юридических лиц. Для западной части Чехии характерна деятельность юрлиц с участием российских граждан с местным постоянным проживанием в сфере отельного бизнеса и торговли, но встречаются и промышленные предприятия. Достаточно характерным является то, что отели и торговые точки местных русских часто ориентированы прежде всего на российских же туристов. Такой бизнес связан прежде всего с популярными туристическими местами, в том числе упомянутыми выше курортными городами. Особняком стоят люди, приезжающие в Чехию на учебу. Они, по понятным причинам, моложе, до 30 лет, концентрируются в крупных городах (Прага и Брно как крупнейшие центры высшего образования, но также Пльзень, Оломоуц, Усти-над-Лабем). Их отличает хорошее знание чешского языка

и в целом более глубокое погружение в местное общество. Специфическую группу представляют собой пенсионеры, рассеянные относительно равномерно по местам расселения русской общины, но с выделяющимися на общем фоне городами Карловарского и Устецкого краев, прежде всего курортными Марианскими Лазнями и Теплицами, а также столицей края Усти-над-Лабем. Именно в эту группу сейчас попадают те, кто переезжал еще в Чехословакию, в социалистический период. При всей своей неоднородности, именно в этой группе чаще всего встречаются случаи наиболее слабой интеграции граждан в местную среду, вызванную как возрастом, так и, в случае с теми, кто застал ЧССР, сниженной потребностью в овладении чешским языком в момент своего переезда.

В целом, родственность языков, схожесть бытовых привычек, культурных параллелей и, наконец, самого фенотипа значительно упрощают интеграцию переселенцев из России. Можно говорить лишь о двух серьезных затруднениях для нее. Первым и важнейшим являются случаи незнания или слабого знания чешского языка в соединении с априорным ожиданием владения русским языком от чехов. Местным населением это воспринимается как вопиющее пренебрежение. Совпадение этих двух факторов с индивидуальным низким уровнем культуры общения характерно для наиболее острых конфликтных ситуаций с участием туристов. Вторым затруднением является разница в восприятии широко известных и в российском, и в чешском пространстве символов. Ярким примером здесь служит символика СССР (серп и молот, красная звезда с серпом и молотом, герб Советского Союза и т. д.) и георгиевская ленточка. Для россиян и то, и другое вписано в нарратив победы в Великой Отечественной войне и обладает положительными коннотациями. Для чехов символика СССР не менее сильно связана с вторжением 1968 г. и в целом тоталитарным режимом власти КПЧ, а георгиевская ленточка воспринимается не только в свете одноименной мемориальной акции, но и через призму ее использования в вооруженном конфликте на территории восточной Украины начиная с 2014 г. Такие коннотации делают рассматриваемые символы как минимум неоднозначными. Такое разночтение создает проблемы при публичной демонстрации символики, характерной, например, для празднования представителями российской общины Дня Победы. Следует отметить, что предпринимались как минимум единичные попытки преодолевать их. В 2021 г. в Карловых Варах рассматривалась перспектива консультаций представителей общественности из числа горожан и местной русской общины с тем, чтобы найти общий язык при празднованиях годовщин окончания Второй мировой войны. Поскольку медиатором в них должно было выступить в том числе и генеральное консульство Российской Федерации, закрытое по инициативе чешской стороны вскоре после начала специальной военной операции России, диалог замер.

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

Резюмируя, следует отметить, что в массе своей россияне в Чехии достаточно неоднородны, чтобы создавать о себе разное впечатление и за счет этого способствовать усложнению восприятия России и русскости в целом. При этом они заметно расширяют зону контакта с Россией и ее культурой непосредственно внутри Чехии, делая обе страны близкими на бытовом уровне как никогда прежде и сглаживая полярные точки зрения друг на друга.

3. Образы России в представлении чехов.

Восприятие России в Чехии до 24.02.2022 г. не было единым и распадалось на три устойчивые группы образов: позитивный, нейтральный и негативный. Их более подробная характеристика ниже дана на основании идей, высказывавшихся собеседниками в личных разговорах, а также постов в соцсети Facebook и материалов в СМИ.

Позитивный образ России в целом складывается как из оценок прошлого, так и восприятия настоящего. Его носители, говоря о прошлом, вспоминают об освобождении Чехословакии от нацистской оккупации, а также о десятилетиях плодотворного, с их точки зрения, сотрудничества ЧССР и СССР. Причем, если первое событие большинство таких людей все-таки уже не помнит лично, поскольку родилось позже, то второе вспоминает по временам своей молодости. Можно осторожно предположить, что при этом в сознании людей происходит некое совмещение и проекция позитивного отношения с одного на другое: позитивное восприятие собственной страны времен своей молодости и периода «социалистического благополучия» переходит на страну, с которой ЧССР в тот период активно сотрудничала и под влиянием которой находилась. Также эта система взглядов несет на себе явный отпечаток официальной идеологии времен нормализации. Ее носители — обычно люди зрелого возраста, родившиеся и выросшие при социализме, в том числе принадлежащие к многочисленному поколению «гусаковых детей»[9]. Оценивая настоящее, позитивно относящиеся к России чехи часто отмечают наличие сильного президента, решительный внешнеполитический курс, который проводится без согласования с какой-либо иной страной или международной организацией/коалицией стран, защиту от искажений условной «нормальности». Эта группа образов существует иногда в сочетании, иногда в отрыве от вышеописанных образов прошлого. Встречается и сочетание взглядов, при котором человек негативно относится к СССР, но позитивно оценивает современную Россию. Для носителей положительного

9 Т.е. людей 70-х гг. рождения. Поколение получило свое условное название по имени Густава Гусака, лидера нормализации. Он возглавил КПЧ с 17 апреля 1969 г., сменив ассоциируемого с «Пражской весной» Александра Дубчека, а 29 мая 1975 г. был избран и президентом Чехословакии. Во главе государства он пробыл до 10 декабря 1989 г., уйдя в отставку под давлением Бархатной революции.

образа современной Российской Федерации (как политического организма) симптоматичным является также сочувствие комплексу евроскептических взглядов. В крайней своей форме они принимают форму утверждений о попытках Германии вновь подмять под себя славян, только уже не военным путем, а под видом включения в структуры ЕС. Характерно также, что позитивное отношение к России, основанное на положительных оценках современной ее политики, не имеет столь явно выраженной возрастной привязки, как основанное на образах прошлого. Его могут разделять как пожилые, так и молодые люди.

Нейтральное восприятие России чехами само по себе аполитично. Оно основано на знакомстве с русской культурой, достопримечательностями страны, положительном опыте общения с российскими визави. Носители этого восприятия, когда речь заходит о России, говорят о своих личных впечатлениях от произведений, мест, людей. Собственно, характерно оно именно для тех, кто имел непосредственный опыт контакта с русским пространством: изучавших язык и культуру в университете, совершавших туристические поездки, строивших бизнес с российскими предпринимателями и т. д. Их комплекс представлений я выделяю в самостоятельную группу потому, что он состоит из отдельных впечатлений, пусть и позитивных в своей массе, которые не обобщаются в картину России как единого явления. Это опыт восприятия конкретных культурных явлений, общения с конкретными людьми или коллективами, на основании которого не происходит формирования образа всей остальной культуры или всего остального народа. Либо же, в зависимости от индивида, этот опыт успешно совмещается и с позитивными, и с негативными образами России. Важно отметить, что обстановка до 2022 г. благоприятствовала распространению нейтрального способа восприятия России за счет расширения зон непосредственного и активного контакта. В этом заключается важное отличие от послевоенного периода, когда русский язык преподавался в Чехословакии как обязательный иностранный, и это делало взаимодействие с русской культурой хотя и повсеместным, но пассивным в силу своей неизбежности.

Отрицательное восприятие России, также как и положительное, построено на комплексе образов из прошлого и настоящего. В первом случае упоминаются революционные события, большевистский террор Гражданской войны и чистки 1930-х как наиболее известные травмирующие страницы российской истории XX в. Их дополняет критика секретных статей договора о ненападении между СССР и нацистской Германией. Специфическое место занимает образ утверждения в Чехословакии коммунистического режима — чехи, негативно настроенные к России, на основании связей КПЧ с СССР готовы рассматривать этот эпизод как

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

пример вмешательства Советского союза в дела соседнего государства. Наконец, довольно широко распространена память о травме августа 1968 г., свидетели которой еще живы и достаточно активны в информационном и общественном поле. Из перечисленных эпизодов собирается образ тиранической и агрессивной России, власти которой из поколения в поколение стремятся абсолютизировать свое влияние внутри страны и как можно дальше распространить его за ее пределами. Современная Россия, с точки зрения носителей ее негативного восприятия в Чехии, в последнее время подтверждает эту тенденцию отсутствием яркого осуждения негативных сторон советского прошлого на официальном уровне, а также преследованиями политических оппонентов власти и напряженными отношениями с некоторыми соседями. В сравнении с позитивными образами России, негативные легче связываются в комплексную картину, создавая, в абсолютизированной своей версии, топос о природном раболепии русских внутри своей страны и одновременно с этим агрессивной экспансивности вовне. Однако носители именно такого восприятия в реалиях Чехии до 24 февраля 2022 г. все-таки были единичны. В целом же негативные образы России не имеют строгой привязки к определенной возрастной или социальной группе. Тем не менее, по индивидуальным наблюдениям, они ограниченно коррелируют с ориентацией разделяющего их индивида на ценности демократического устройства общества и ориентации политики Чешской Республики на Евросоюз.

Можно постулировать, что диапазон образов России и русских в Чехии сохраняется почти неизменным еще с XIX в. и часто опирается на историческую ретроспективу или генерализованные наблюдения, почерпнутые скорее из различных медиа. При этом глубина исторической ретроспективы обычно не превышает памяти предыдущего/предпредыдущего поколения ныне живущих людей. Хотя симпатии и антипатии к России в Чешских землях XIX в. и Чешской Республике начала XXI в. на первый взгляд похожи (симпатии вертятся вокруг похожести и «правильности» России для чешского пространства, антипатии — вокруг образа угнетающей власти), однако обоснование этих точек зрения строится в каждом случае на своих, актуальных в текущий момент примерах, дискретно. Обращает на себя внимание, что личные впечатления индивидов обычно стоят за более частными образами, которые скорее положительны, однако сами по себе могут транслироваться носителями как русофильских, так и русофобских взглядов. В последнем случае носитель проводит черту между «властью»/«государством» и «людьми»/«народом»/«культурой», наследуя способу восприятия России чешским андеграундом 70-80-х гг.

4. Чехи и обострение ситуации в Украине.

Полноценно оценить влияние Российско-Украинского конфликта на отношение к России и русским в Чехии пока невозможно. Но ряд моментов уже можно отметить.

Во-первых, 24 февраля 2022 г. и последовавшие дни принесли с собой невиданное прежде единение чешского общества. Шок и возмущение произошедшим выражали люди прямо противоположных взглядов. Временное единодушее проявили даже самые яркие для Чехии пары антиподов последнего времени: сторонники вакцинации и covid-диссиденты, а также сторонники ЕС и евроскептики. Показательно, что на высшем уровне это национальное единение выразилось в критическом высказывании о действиях России президента Чехии М. Земана[10], который считается главным политиком-русофилом страны и едва ли не агентом Кремля[11], известен своим нарочитым противоречием многим мейнстримным идеям европейской политики и резкостью формулировок. 24 февраля, однако, даже он не стал оправдывать происходящее между Россией и Украиной. В принципе, голоса в поддержку именно российской политики в первые дни специальной военной операции просто отсутствовали. На этом фоне россияне, проживающие в Чехии, также либо заняли критическую позицию к происходящему, либо отмалчивались — пророссийских постов в соцсетях таких граждан не наблюдалось. Свою роль в этом сыграли опасения конфликтов на национальной почве, тем более что жалобы на них действительно поступали. Тем не менее, все нюансы подобных происшествий так и остались невыясненными. В то же самое время, автору этих строк известно и о проявлении со стороны чехов индивидуальной поддержки россиянам в связи с политической ситуацией, заложниками которой те оказались.

Во-вторых, после начала военных действий дипломатические отношения между Чешской Республикой и Российской Федерацией, стагнировавшие последние годы, испортились окончательно. Закрытие воздушного пространства для российских авиакомпаний, прекращение выдачи новых долгосрочных и краткосрочных виз в Чехию для россиян, запрет на въезд в страну для граждан России с краткосрочными шенгенскими визами других стран — все эти меры в значительной мере сократили широкое пространство непосредственных контактов, возникшее после Бархатной революции. Это сокращение, в свою очередь, грозит тем, что со временем Россия и все русское будет восприниматься в Чехии все более полярно. А уровень национального единения в оценке ситуации, достигнутый 24 февраля 2022 г., позволяет предположить, что негативное восприятие в этой ситуации получит заметный перевес. Чем дольше дипотношения не будут нормализовываться, тем

10 Celý projev prezidenta Miloše Zemana k válce na Ukrajině: Zmýlil jsem se, Rusko se dopouští zločinu proti míru. URL: https://www.reflex.cz/clanek/valka-na-ukrajine/111861/cely-projev-prezidenta-milose-zemana-k-valce-na-ukrajine-zmylil-jsem-se-rusko-se-dopousti-zlocinu-proti-miru.html

11 Agent Kremlu, nahrává ruské propagandě, kritizují politici Zemana. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/zeman-novicok-reakce-cesti-politici.A180504_092543_domaci_kop

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

сильнее будет ухудшаться восприятие России в Чехии, при том, что какие-либо предпосылки к этому в сфере непосредственных частных контактов отсутствовали, а сама эта сфера стабильно расширялась последние три десятилетия, несмотря на утрату идеологической опоры и имевшие место политические полемики.

Обсуждение результатов и выводы

У жителей Чехии, безусловно, присутствует негативное восприятие России и всего, что с ней связано. Однако оно далеко не является доминирующим. В прямом противостоянии с ним находится а-приори позитивное восприятие России, а также нейтральное, основанное на личном опыте. Последнее, при этом, имело почву для стабильного расширения благодаря общественным свободам, достигнутым как Чехией, так и Россией после падения социалистических режимов, а также новым техническим возможностям, появившимся за последние три десятилетия. На формирование образов России влияет история, однако не весь объем прошлого опыта, а прежде всего ключевые события, произошедшие на памяти примерно двух-трех последних поколений. В этом — один из факторов трансформации подобных образов. Таким образом, Чехия как страна, если понимать под страной прежде всего ее общество, не являлась для России или россиян недружественной. Однако сегодняшняя ситуация в области дипломатии, а именно конфронтация двух стран из-за событий в Украине, грозит резко ухудшить эту ситуацию.

Список источников

1. Борисов Н.С. (1999), Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.) [The Policy of the Moscow princes (end of the 13th - first half of the 19th century)]. М.: Изд-во МГУ.
2. Горский А.А. (2010), Русское Средневековье [Russian Middle Ages]. М.: Астрель, Олимп.
3. Дмитрук С.А. (2014), Чешские поселения в Крыму: История и современность [Czech Settlements in Crimea: History and Modernity]. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 27(66), № 3. С. 20-31
4. Досталь М.Ю. (2011), Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научной биографии [Emigrant Historian A.V. Florovsky in Czechoslovakia: Pages of Scientific Biography]. Новый исторический вестник. С. 80-87.
5. Кром М.М. (2018), Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков [The Birth of the State: Muscovite Rus' in the 15th-16th Centuries]. М.: Новое литературное обозрение.

6. Ляпина С.М. (2015), Русский исторический роман XIX века в контексте культурного сознания [Russian Historical Novel of the Nineteenth Century in the Context of the Cultural Consciousness]. История: факты и символы. № 5. https://historic-journal.ru/russkij-istoricheskij-roman-xix-veka-v-kontekste-kulturnogo-soznaniya/ (дата обращения: 07.11.2022)).
7. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. (2016), Русские высшие учебные заведения Праги 1920–1930-х годов глазами эмигрантов [Russian Higher Educational Institutions of Prague in the 1920-1930s through the Eyes of Emigrants]. Вестник СпбГУ. История. Вып. 3. С. 96-106;
8. Ненашева З.С. (1999), Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге [Masaryk and Kramář as Ideologists of Slavic Unity in the Perception of the Russian Consul in Prague]. Славянский альманах. 2000. С. 123-130
9. Ненашева З.С. (2006), Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века [The Beginning of Czech Emigration to Russia in the Middle of the 19th Century]. Русский сборник исследований по истории России. Т. 3. М.: Модест Колеров. С. 7-38
10. Птицын А.Н. (2011), Переселенцы из Австро-Венгрии на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX века [The Settlers from Austria-Hungary in the North Caucasus in the Late 19th - Early 20th Centuries] Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 1. С. 74-79.
11. Птицын А.Н. (2021), Чешская диаспора в Петербурге на рубеже XIX-XX веков: статистический обзор [The Czech Diaspora in St. Petersburg at the Turn of the 19th-20th Centuries: a Statistical Overview]. Гуманитарные и юридические исследования. № 2. С. 65-72.
12. Серапионова Е.П. (2020), Москва как один из центров чехов и словаков в России (конец XIX - начало XX в.) [Moscow as One of the Centers of the Czechs and Slovaks in Russia (Late 19th – Early 20th Century)]. «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. № 13. С. 56-69.
13. Серапионова Е.П. (2007), Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире [The Views of Czech and Slovak Politicians at the Beginning of the 20th Century on the Role of Russia in the Slavic World]. Славянский альманах. 2008. С. 126-132.
14. Францев В.А. (1902), Русские посольства в Чехии в XVI в. [Russian Embassies in the Czechia in the 16th Century] Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа.
15. Щербакова Ю.А. (2009), Восприятие России в современной Чехии [Perception of Russia in Modern Czech Republic]. Россия и современный мир. № 2. С. 105-118.

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

16. Щербакова Ю.А. (2015), Общество и политические элиты Чехии о России [Society and Political Elites of the Czech Republic about Russia]. Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 49-69
17. Rumpler, H., Urbanitsch, P., hrsg. (2006), Die Habsburgermonarchie 1848-1918. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung (Bd. 8, Teilband 2). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
18. Charvátová, K. (2007), Václav II. Král český a polský. Praha: Vyšehrad.
19. Grygiel, J. (1988), Życie i działalność Zygmunta Korybutowicza. Studium z dziejów stosunków polsko-czeskich w pierwszej połowie XV wieku. Wrocław: Ossolineum.
20. Melischek, G., Seethaler, J. (2005), Von der Lokalzeitung zur Massenpresse: Zur Entwicklung der Tagespresse im österreichischen Teil der Habsburgermonarchie nach 1848. Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. 7 Bd. S. 52-92.
21. Nechvátal, M. (2002), 15.5.1921 - založení KSČ: ve službách Kominterny. Praha: Havran.
22. Nykl, H., ed. (2021), Instituce a osobnosti ruské meziválečné emigrace v Československu. Praha: Karolinum.
23. Rupnik, J. (2002), Dějiny Komunistické strany Československa: od počátků do převzetí moci. Praha: Academia.

References

1. Borisov, N. (1999), The Policy of the Moscow princes (end of the 13th - first half of the 19th century). Moscow: Izdatelstvo MGU. (In Russian)
2. Gorskiy, A. (2010). Russian Middle Ages. Moscow: Astrel, Olimp. (In Russian)
3. Dmitruk, S. (2014), Czech Settlements in Crimea: History and Modernity. Scientific notes of the Vernadsky Taurida National University. Series Historical Sciences. Vol. 27(66), No. 3. pp. 20-31. (In Russian)
4. Dostal', M. (2011), Emigrant Historian A.V. Florovsky in Czechoslovakia: Pages of Scientific Biography. New Historical Bulletin. pp. 80-87. (In Russian)
5. Krom, M. (2018), The Birth of the State: Muscovite Rus' in the 15th-16th Centuries. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
6. Liapina, S. (2015), Russian Historical Novel of the Nineteenth Century in the Context of the Cultural Consciousness. History: Facts and Symbols. No. 5. https://historic-journal.ru/russkij-istoricheskij-roman-xix-veka-v-kontekste-kulturnogo-soznaniya/ (Accessed: 07.11.2022)). (In Russian)

7. Mikhalchenko, S., Tkachenko, E. (2016), Russian Higher Educational Institutions of Prague in the 1920-1930s through the Eyes of Emigrants. Bulletin of St. Petersburg State University. History. Issue 3. pp. 96-106. (In Russian)
8. Nenasheva, Z. (1999), Masaryk and Kramář as Ideologists of Slavic Unity in the Perception of the Russian Consul in Prague. Slavic Almanac. 2000. pp. 123-130. (In Russian)
9. Nenasheva, Z. (2006), The Beginning of Czech Emigration to Russia in the Middle of the 19th Century. Russian Collection of Studies on the History of Russia. Vol. 3. Moscow: Modest Kolerov. pp. 7-38. (In Russian)
10. Pticyn, A. (2011), The Settlers from Austria-Hungary in the North Caucasus in the Late 19th - Early 20th Centuries. Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences. 2011. No. 1. pp. 74-79. (In Russian)
11. Pticyn, A. (2021), The Czech Diaspora in St. Petersburg at the Turn of the 19th-20th Centuries: a Statistical Overview. Humanitarian and Legal Studies. No. 2. pp. 65-72. (In Russian)
12. Serapionova, E. (2020), Moscow as One of the Centers of the Czechs and Slovaks in Russia (Late 19th – Early 20th Century). The West – the East. Scientific and practical yearbook. No. 13. pp. 56-69. (In Russian)
13. Serapionova, E. (2007), The Views of Czech and Slovak Politicians at the Beginning of the 20th Century on the Role of Russia in the Slavic World. Slavic Almanac. 2008. pp. 126-132. (In Russian)
14. Francev V. (1902). Russian Embassies in the Czechia in the 16th Century. Warsaw: Typography of Warsaw Educational District.
15. Shcherbakova, Yu. (2009), Perception of Russia in Modern Czech Republic. Russia and the Modern World. No. 2. pp. 105-118. (In Russian)
16. Shcherbakova, Yu. (2015), Society and Political Elites of the Czech Republic about Russia. Actual Problems of Europe. No. 2. pp. 49-69. (In Russian)
17. Rumpler, H., Urbanitsch, P., hrsg. (2006), Die Habsburgermonarchie 1848-1918. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung (Bd. 8, Teilband 2). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. (In German)
18. Charvátová, K. (2007), Václav II. Král český a polský. Praha: Vyšehrad. S. 18-30. (In Czech)
19. Grygiel, J. (1988), Życie i działalność Zygmunta Korybutowicza. Studium z dziejów stosunków polsko-czeskich w pierwszej połowie XV wieku. Wrocław: Ossolineum. (In Polish)

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

20. Melischek, G., Seethaler, J. (2005), Von der Lokalzeitung zur Massenpresse: Zur Entwicklung der Tagespresse im österreichischen Teil der Habsburgermonarchie nach 1848. Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. 7 Bd. S. 52-92. (In German)
21. Nechvátal, M. (2002), 15.5.1921 - založení KSČ: ve službách Kominterny. Praha: Havran. (In Czech)
22. Nykl, H., ed. (2021), Instituce a osobnosti ruské meziválečné emigrace v Československu. Praha: Karolinum. (In Czech)
23. Rupnik, J. (2002), Dějiny Komunistické strany Československa: od počátků do převzetí moci. Praha: Academia. (In Czech)

Информация об авторе

ПОПОВ Кирилл Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация. E-mail: pcyril90@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4560-4441.

About the author

Kirill A. POPOV, CandSc (Hist.), research fellow, The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: pcyril90@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4560-4441.